

II

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).084.5

**ВНУТРИПАРТИЙНАЯ БОРЬБА И УКРЕПЛЕНИЕ СТАЛИНСКОЙ ВЛАСТИ
В 1922—1926 ГГ.**

Апальков Д.И.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Постепенный отход от политической деятельности непререкаемого вождя партии большевиков В.И. Ленина неизбежно спровоцировал бескомпромиссную политическую борьбу за власть в большевистских «верхах». На первом этапе этой борьбы за лидерство в партии (1922–1924 гг.) сложилась так называемая «тройка», состоявшая из членов Политбюро Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и И.В. Сталина. Несмотря на определенные разногласия и далеко идущие планы каждого из членов «тройки», их объединяла общая цель – не допустить лидерства «второго человека в партии» Л.Д. Троцкого, заблокировать его инициативы и в итоге исключить из процесса политической жизни [6]. В результате многочисленных политических маневров «тройка» к началу 1925 г. отстранила Троцкого от реальных рычагов власти, сохранив за ним лишь формальное членство в Политбюро [7].

Выступление «новой оппозиции» во главе с Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым осенью 1925 г. было обусловлено изменением баланса сил в верхнем эшелоне власти. В условиях обострения противоречий внутри «тройки» складывается «двуумвират» И.В. Сталина и Н.И. Бухарина, представлявший собой взаимовыгодный политический союз. Заключив этот союз, Сталин и Бухарин значительно укрепили свои властные позиции, заручившись поддержкой большинства в Политбюро и ЦК. Ядро «новой оппозиции» составляли руководство ленинградской парторганизации и ленинградские комсомольцы. На стороне «двуумвирата» выступило большинство делегатов XIV съезда и членов ЦК, поэтому, ему не составило труда устроить показательный разгром «ленинградского центра» оппозиции, завершившийся снятием Зиновьева с поста председателя Ленсовета [8].

Следует отметить, что уже на первом этапе внутрипартийной борьбы одним из ключевых ее факторов стало использование Сталиным Секретариата ЦК в качестве мощного властного рычага. Сталин, избранный генеральным секретарем на пленуме ЦК 3 апреля 1922 г., сумел за короткий срок превратить Секретариат ЦК из организационно-технического органа в политический механизм. Не случайно уже в августе 1922 г. А.М. Назаретян в письме Г.К. Орджоникидзе констатирует появление в московских политических кругах выражения «ходить под Сталиным» [10, с. 263].

Вопрос о механизме сталинской власти достаточно подробно изучен в историографии [11, с. 82–90; 14, с. 133–141; 15, с. 246–247]. В подчинении Секретариата ЦК находился Учетно-распределительный отдел, занимавшийся подбором и назначением партийных кадров. По справедливому замечанию С. Пирани, назначенство, возникшее в партии во время Гражданской войны, в 1922–1923 гг. стало «господствующей формой заполнения

должностей» [15, с. 247]. В 1922 г. Учраспред ЦК произвел более десяти тысяч назначений [11, с. 87]. Учраспреды местных партийных комитетов в миниатюре воспроизводили работу Учраспреда ЦК. Учраспред Московского комитета, учрежденный в июле 1922 г., на протяжении первых 7 месяцев своей деятельности назначил на различные партийные и государственные должности более пяти тысяч партийцев (т.е. около 20 % от общего числа членов партии в губернии) [15, с. 247].

Развитие процесса систематизации назначения чиновников продолжилось в ноябре 1923 г., когда были составлены первые «номенклатуры» – списки партийных и государственных должностей, назначение на которые утверждалось в аппарате ЦК. В апреле 1924 г. Учраспред слился с Оргинструкторским отделом. В результате был образован Орграспредотдел ЦК, во главе которого был поставлен верный соратник Сталина Л.М. Каганович.

Функционирование системы назначенства в отношении секретарей партийных комитетов происходило следующим образом. Через Учраспред ЦК на местах выявлялись партийные функционеры, подававшие надежды быть полезными Сталину. Следующий шаг состоял в том, чтобы продвинуть таких людей по карьерной лестнице. По уставу партии, должности секретарей партийных комитетов были выборными. Процедура выборов продолжала соблюдаться. Однако результаты выборов были заранее predeterminedены, поскольку руководящие партийные органы «рекомендовали» нижестоящим лицам, подлежащих избранию. Например, кандидатуры секретарей губкома рекомендовал Секретариат ЦК, секретарей горкомов и укомов рекомендовал губком [11, с. 87].

Уже к XII съезду партии, состоявшемуся в апреле 1923 г., около 30 процентов секретарей губкомов получили свои должности фактически из рук Сталина [12, с. 146]. Неудивительно, что в глазах местных партийных функционеров ближайший соратник Сталина секретарь ЦК В.М. Молотов выглядел «раздатчиком “эполетов” – кому секретаря губкома, кому предгубисполкома» [4, л. 36].

Анализ источников позволяет не согласиться с мнением М.С. Восленского по поводу сталинских критериев подбора кадров. По его мнению, суть сталинской кадровой политики состояла в том, чтобы назначать на руководящие должности не вполне пригодных исполнителей. В этой связи у партийного чиновника складывалось ощущение, что он занимает должность *«не по какому-то праву, а по милости руководства, и если эта милость прекратится, он легко может быть заменен другим»* [11, с. 84].

Сведения о принципах сталинской кадровой политики можно получить из архивных источников. В обязанности Учраспреда ЦК входило изучение личных качеств руководящих работников губкомов. В качестве примера такой деятельности можно привести документ с личными характеристиками на некоторых ответственных секретарей губкомов, датированный июлем–августом 1922 г. Среди них следует выделить личные характеристики на Н.А. Угланова и А.И. Микояна, впоследствии добившихся наибольшего карьерного роста (Угланов был членом ЦК в 1923–1930 гг., Микоян – член ЦК с 1923 г., член Политбюро в 1935–1966 гг.). Согласно этим характеристикам, оба партийных функционера обладали всеми необходимыми личными качествами для успешной карьеры. Авторы характеристик отмечали в них такие достоинства, как организаторские способности, инициативность, высокий авторитет среди работников губкома, популярность среди рабочих масс [2, л. 2, 42].

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующий вывод. Ключевым инструментом властных полномочий Сталина стала система подбора и назначения партийных кадров через Учетно-распределительный отдел, находившийся в подчинении Секретариата ЦК. Партийные функционеры, получавшие назначение через эту систему, становились «людьми Сталина». В целом, можно утверждать, что в 1922–1923 гг. в партийном аппарате сложилась сталинская система патрон-клиентских отношений.

Данная система отношений в полной мере проявилась уже в ходе общепартийной дискуссии 1923/24 гг. Принятие местными парторганизациями угодных «тройке» резолюций обеспечивалось системой секретарской иерархии, возглавляемой Сталиным. Секретари местных партийных комитетов напрямую информировали Сталина о ходе дискуссии. Так, секретарь Киевского губкома КП (б) Украины И.М. Варейкис в письме от 16 декабря

1923 г. докладывал Сталину о том, что «*большинство обеспечено*» и «*“основная украинская цитадель” троцкизма расплзлась*» [18, с. 347]. Первый секретарь Закавказского крайкома РКП (б) А.Ф. Мясников 24 декабря 1923 г. телеграфировал Сталину о том, что на собрании тифлисского горкома «*резолуция уклонистов провалилась*». Мясников утверждал, что «*настроение партийных масс Закавказья твердое и всецело на стороне ЦК партии*» [3, л. 94].

В свою очередь, Сталин направлял деятельность местных партийных секретарей посредством директив. Примером такой директивы является письмо Сталина первому секретарю ЦК КП (б) Азербайджана С.М. Кирову. В нем говорилось: «*Мы думаем, что крупнейшие наши организации... должны обязательно отозваться. Следовало бы, по нашему мнению, взять за образец заявление Питерской организации, провести его, несколько изменив форму, сократив, смягчив и пр., на широком собрании бюро ячеек и активных работников и немедленно направить резолюцию в “Правду” и ЦК. Сделать это нужно немедленно*» [18, с. 350].

Кроме того, большое влияние на исход внутрипартийной борьбы оказало использование Сталиным Секретариата ЦК для продвижения преданных ему партийных кадров в верхние эшелоны власти – ЦК, а впоследствии и в Политбюро. Важной вехой в становлении сталинской системы единовластия можно считать подготовку и проведение XIV партсъезда (18–31 декабря 1925 г.), поскольку он привел к сталинизации ЦК и Политбюро. Не случайно на одном из заседаний съезда Ворошилов назвал Сталина «главным членом Политбюро» [18, с. 397]. 1 января 1926 г. избранные на XIV съезде члены ЦК сформировали новый состав Политбюро. Зиновьев и Троцкий остались членами Политбюро, но Каменев был переведен из членов в кандидаты. В состав Политбюро вошли три новых члена – соратники Сталина Молотов, Ворошилов и Калинин [17]. Таким образом, властные позиции Сталина были теперь подкреплены прочным и безусловным большинством в Политбюро, являвшемся фактически высшим органом власти в СССР. Следует отметить, что именно Политбюро предопределяло все основные направления развития страны и принимало решения по ключевым вопросам (а также рассматривало массу сравнительно мелких и второстепенных проблем) [19, с. 3].

Красноречивым свидетельством укрепления сталинских позиций во власти стало организованное Сталиным летом 1926 г. активное наступление против оппозиции. Поводом к нему послужило так называемое «дело Лашевича». Под «делом Лашевича» следует понимать несанкционированное собрание оппозиционеров 6 июня 1926 г. в Подмоскovie, повлекшее за собой ряд партийных взысканий. Главному организатору собрания, соратнику Г.Е. Зиновьева М.М. Лашевичу был объявлен выговор с предупреждением. Более того, Президиум ЦКК принял решение обратиться к очередному пленуму ЦК и ЦКК с предложением исключить Лашевича из состава ЦК, снять его с поста зампреда Реввоенсовета СССР и лишить права занимать ответственные партийные должности в течение двух лет [5, л. 172 об–178 об.].

В письме соратникам от 25 июня 1926 г. Сталин изложил план, согласно которому политическую ответственность за «дело Лашевича» предстоящий пленум ЦК должен был возложить на Зиновьева. Суть данного обвинения была представлена в следующем тезисе Сталина: «*Группа Зиновьева стала вдохновителем всего раскольничьего в оппозиционных течениях, фактическим лидером раскольничьих течений в партии*» [16, с. 72]. На этом основании в отношении Зиновьева предусматривалось конкретное политическое наказание: «*Не только Лашевича нужно вывести из ЦК, но и Зиновьева нужно вывести из Политбюро с предупреждением вывода его из ЦК, если не будет прекращена его работа по подготовке раскола*» [16, с. 73].

Кроме того, в письме подчеркивалось, что вопрос об исключении Троцкого из Политбюро не стоит, поскольку его не следует связывать с «политикой раскола», проводимой Зиновьевым. При этом Сталин не скрывал, что в данном случае проявился расчет на то, чтобы вывести Троцкого из оппозиции и сделать его вновь «лояльным» [16, с. 73–74].

Анализ июльского объединенного пленума ЦК и ЦКК (14–23 июля 1926 г.) показывает, что большинство ЦК действовало по заранее намеченному Сталиным плану по пре-

вращению «дела Лашевича» в «дело Зиновьева». Рассмотрение пленумом «дела Лашевича» началось 21 июля. Докладчиком по данному вопросу выступил председатель ЦКК В.В. Куйбышев. Выступление Куйбышева было полностью согласовано со сталинским планом: *«Все эти обстоятельства заставляют нас признать политически ответственным за эту фракционную борьбу и тов. Зиновьева. Было бы пустым формализмом, недостойным большевистского ЦК и ЦКК, если бы мы, имея перед собой это опасное явление, ограничились бы тем, что покарали бы стрелочника. Для всех нас очевидно и ясно, что дело тут идет о том, что эта фракционная борьба руководилась отсюда из центра и что Политбюро ЦК, членом которого являлся тов. Зиновьев, было тем местом, из которого руководилось это вредное для партии дело»* [1, л. 6 об.].

Такая внезапная постановка вопроса, вне всякой связи с предыдущими материалами «дела Лашевича», вызвала возмущение оппозиционеров. В заявлении 13 участников пленума (среди них Г. Зиновьев, Л. Каменев, Л. Троцкий, Н. Крупская, М. Лашевич) говорилось: *«Вопрос о так называемом “деле Лашевича”, поставленный, согласно решению Политбюро от 24 июня, в порядок дня нынешнего пленума, неожиданно, в самый последний момент, постановлением Президиума ЦКК от 20 июля, превращен в “дело” тов. Зиновьева. Мы считаем необходимым, прежде всего, констатировать, что в проекте резолюции Президиума ЦКК нет ни одного факта, ни одного сообщения, ни одного подозрения, которые бы не были известны шесть недель тому назад, когда Президиум ЦКК вынес постановление по “делу” Лашевича и др. В этом постановлении имя тов. Зиновьева не называлось. Между тем, в последнем проекте резолюции уже заявляется со всей категоричностью, что “все нити” ведут к тов. Зиновьеву как председателю Коминтерна. Вопрос этот, как совершенно ясно для всех, решался не в Президиуме ЦКК, а в той фракционной группе, руководителем которой является тов. Сталин. Мы имеем перед собой новый этап в осуществлении давно намеченного и систематически проводимого плана»* [9, с. 22].

В резолюции июльского пленума утверждалось, что *«оппозиция решила перейти от легального отстаивания своих взглядов к созданию всесоюзной нелегальной организации, противопоставляющей себя партии и подготовляющей, таким образом, раскол ее рядов»* [13, с. 49–50]. Зиновьев был исключен из состава Политбюро за «фактическое руководство фракционной борьбой оппозиции». Лашевич был исключен из состава ЦК, снят с поста зампреда Реввоенсовета СССР и лишен права вести ответственную партийную работу в течение двух лет [13, с. 52]. Следует отметить, что исключение Лашевича из ЦК стало первым случаем применения 7 пункта резолюции X съезда «О единстве партии».

Думается, что подготовка и проведение июльского пленума 1926 г. стали важной вехой в становлении сталинской системы единовластия. Фактически действия большинства ЦК против оппозиции на этом пленуме были осуществлены согласно единоличным указаниям Сталина.

Источники и литература.

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 2. Д. 246. Вып. IV.
2. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 142.
3. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 27.
4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 55.
5. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 83.
6. Апальков Д.И. Болезнь Ленина и рождение «тройки» // Сборник тезисов докладов участников Третьей международной конференции молодых специалистов и ученых «Сlio-2013». М.: РОССПЭН, 2013. С. 18–22.
7. Апальков Д.И. Внутрипартийная борьба в РКП (б) (1922–1923 гг.) // Сборник материалов IV международной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio-2014». М.: РОССПЭН, 2014. С. 28–29.
8. Апальков Д.И. «Дуумвират» против «новой оппозиции» (1925–1926 гг.) // Сайт «Школа-конференция молодых ученых ИРИ РАН». Режим доступа: <http://www.mkonf.iriran.ru/papers.php?id=204>
9. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927 / ред.–сост. Ю.Т. Фельштинский. М.: Терра, 1990. Т. 2. 252 с.
10. Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927 / сост. А.В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк, Л.П. Кошелева и др. М.: РОССПЭН, 1996. 428 с.

11. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: «Советская Россия», МП «Октябрь», 1991. 624 с.
12. Двенадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968. XXII, 904 с.
13. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988) / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. М.: Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, 1984. Т. 4. 575 с.
14. Павлова И.В. Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. 247 с.
15. Пирани С. Русская революция в отступлении. М.: Новый Хронограф, 2013. 424 с.
16. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. / сост. Л.П. Кошелева, В.С. Лельчук, В.П. Наумов и др. М.: Россия молодая, 1995. 304 с.
17. Политбюро ЦК КПСС // Энциклопедия Коммунист.Ru. Режим доступа: www.kommunist.ru/Политбюро_ЦК_КПСС
18. РКП (б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. / отв. сост. В.П. Вилкова. М.: РОССПЭН, 2004. 461 с.
19. Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. 305 с.